

НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ: КИТАЙ ГЛАЗАМИ БЕЛОРУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Анализируются предикаты и концептуальные метафоры, на основе которых делается попытка выявить концептуализацию Китая белорусскими журналистами. Исследуется безэквивалентная лексика, толкование которой дает возможность сделать выводы о китайской языковой картине мира.

In the research an attempt is made to display the Belarusian journalists' conceptualization of China based on the predicates and conceptual metaphors analysis. Nonequivalent vocabulary is under special consideration; such vocabulary being interpreted allows drawing a conclusion about Chinese language world picture.

Китайская тема - одна из основных в белорусской национально ориентированной журналистике. Последнее десятилетие группы белорусских журналистов регулярно посещают Китай, некоторые из них специализируются на этой теме. В белорусской журналистике формируется направление, ориентированное на создание образа иной страны, в данном случае Китая. По результатам поездок издано несколько книг М. Шиманским «Здравствуй, Китай» и «Китай с открытым сердцем», сборник статей «Китай глазами белорусских журналистов», а в 2002 г. вышла в свет книга постоянного белорусского корреспондента в Китае И. Плескачевской «Поднебесная страна». Книги М. Шиманского написаны в форме диалога и требуют отдельного изучения. Коллективный сборник статей и книга И. Плескачевской стали объектом данного исследования. Цель его - выяснить, как формируется образ такого гиперобъекта, каким является страна с иной культурной традицией, ее история и современность, что, с точки зрения белорусских журналистов, является наиболее ярким, определяющим этот образ.

Выделенные в качестве текстов с особой прагматической задачей ориентации на чужую культуру СМ. Прохоровой (см. Прохорова 1999) и рассмотренные в трех семиотических измерениях Е.Г. Воронцовой (см. Воронцова 2003) национально ориентированные тексты типологически неоднородны. Журналистский текст среди других национально ориентированных текстов (энциклопедических, учебных, художественных, научных) призван выполнить несколько функций: до некоторой степени «распространять стереотипы», как энциклопедические, вместе с тем «расширять и нюансировать предметное содержание концепта, подкреплять или, наоборот, изменять стереотипные оценки» (Воронцова 2003, 44), как научный, и, кроме того, пытаться создать целостный образ, ценностное представление об объекте у читателей. Журналист, в отличие от создателя энциклопедического или научного текста, не стремится к тому, чтобы описать Китай всесторонне. Его отличает умение отбирать ту часть информации, которая, во-первых, опираясь на имеющиеся у белорусских читателей знания и мнения о стране, расширяет или изменяет эти представления; во-вторых, обогащает концепт ценностными компонентами, таким образом формируя у аудитории отношение к Китаю, китайцам. Самым значительным отличием журналистского текста становится его более ярко выявленная прагматическая направленность на читателя, намерение автора не только и не столько заинтересовать читателя, сколько убедить его в истинности своего видения.

Формировать знания или представления о каком-либо объекте - значит, по мысли В.Б. Касевича, приписывать ему те или иные предикаты: «Овладение знанием главным образом заключается во введении в ментальный тезаурус человека новых предикатов» (Касевич 1996, 98). Специфика данного объекта заключается в том, что знания о нем формируются всегда в явном или скрытом сравнении: те или иные предикаты по отношению к Китаю вместе с тем выражают, «высвечивают» концептуализацию Беларуси, ее статуса в современном мире.

Ключевым предикатом, характеризующим Китай, является *динамизм*. Взгляд на Китай как на быстро и очень своеобразно развивающуюся страну присущ всем без исключения журналистам, причем этот признак приписывается именно современному Китаю в отличие от традиционного: если Китай в прошлом описывается как неподвижный, выпавший из времени, то современный - как динамичный и меняющийся: *«На протяжении долгих веков эта страна была окутана загадочной дымкой. Европейские журналы тиражировали натурные зарисовки и фотоснимки, выпавшие как будто из потока времени: дворцы и храмы с "взлетными" черепичными крышами, флотилии джонок, служивших владельцам и рыбацкой шхуной, и домом, крестьянин с мотыгой на крошечном рисовом поле, морщинистый старик с трубкой опиума в курильне. Во всем этом проглядывала некая убогая неподвижность, сдача на милость неласковой судьбе... Сто лет назад Китай пришел в движение»* (Китай 2003, 38). Основные метафоры, характеризующие Китай в этом плане, конечно же, метафоры движения, рывка: *«На рубеже двух столетий Китай совершил мощный рывок во всех областях жизни - от создания уникальных парковых ансамблей и разворота северных рек до освоения космоса»* (Китай 2003, 54) - и роста: *«АПК Китая растет со скоростью бамбука»* (Китай 2003, 58). В связи с этим в текстах часто отмечаются фрагменты, в которых журналисты пытаются осмыслить свойственное китайской культуре ощущение времени, хотя привлекают для этого «европейскую» образность: *«Казалось бы, древнему Китаю куда спешить? А он совершает за полвека титанический рывок, сжимает в богатырской руке стальную пружину времени, приказывает Реке Истории, как и куда ей течь - как будто он является ее хозяином»* (Китай 2003, 106).

Основным способом характеристики отношения китайцев ко времени, описания манеры поведения является использование китайских афоризмов о напрасности спешки и суеты: *«Китайцы говорят: "Прежде чем рисовать дерево, почувствуй, как оно растет". В соседних странах, вступивших на рыночный путь, в качестве садовников подвизаются лесорубы, летят щепки и рушатся человеческие судьбы... В Китае ценят быстроту и натиск, но не путают их с торопливостью и, главное, помнят, что на крутых поворотах нельзя отпускать руль»* (Китай 2003, 47). Или; *«"Большую телегу вперед не пускай - сам будешь в пыли и песке". Тихо и скромно большая телега Китая двигалась в тени шумных и кичливых держав и наконец вырвалась на простор. Теперь Китай уже никто не удержит... Скоро телеги Запада будут двигаться вслед за ним»* (Китай 2003, 100). Последний фрагмент содержит предикат статуса Китая в мире. Подчеркивается также непрерывность развития, эта составляющая концепта более широко представлена в других текстах: *«В этом особый талант китайцев - устремляться вперед, но не стирать следы и дорожить уроками и опытом прошлого»* (Китай 2003, 53).

Следующей по частоте и важности для белорусских журналистов является характеристика Китая как мировой державы, обладающей совершенно особым статусом, - **определяющей развитие всего мира, всего человечества**. Используя ту же метафору движения, этот предикат формулируется в такой биноминативной конструкции: *«Китай - локомотив мира»* (Китай 2003, 100). Осмысление того, что позволило китайцам за короткий срок провести удачные реформы и занять свое настоящее положение, находит выражение в еще одной концептуальной метафоре - *Китай - всемирный балансир*: *«Поднебесная духовно самодостаточна. И потому является всемирным балансиrom - чтобы старушка Земля куда-нибудь не завалилась. Именно этой космической ролью Китая и объясняется его колоссальный рывок в последние годы. За полвека пройден путь столетий»* (Китай 2003, 99). Раскрытие этой фасеты концепта приводит к более ярко выявленному сопоставлению Китая и Европы и также Китая и Беларуси.

В книге статей «Китай глазами белорусских журналистов» приводятся недостаточные данные о том, как изменилась оценка Китая в Европе и Америке. Пожалуй, показательны только следующие номинации, принадлежащие европейским и американским синологам, - «управляемая теплица» по отношению к Китаю до реформ и «азиатский дракон» в отношении современного Китая. Способ цитирования не позволяет, однако, с уверенностью сказать, какими коннотациями отмечена последняя номинация - китайскими и, следовательно, самыми высокими или европейскими, так как существительное возможных миров *дракон* обладает разными денотатами в европейской и китайской картинах мира.

Важно также отметить, что в оппозиции китайцы - европейцы, с точки зрения белорусских журналистов, первые всегда оказываются в сильной, положительно отмеченной позиции: как мудрые по отношению к суетным: «*Европеец перед китайцем оказывается на бытовом уровне примитивным холериком, озадаченным бесом сиюминутности*» (Китай 2003, 99), как более сильные и здравомыслящие: «*За тенью всемирных небоскребов, за шумом и гамом пожирающей себя белой цивилизации, старый Китай с желтым лицом благородного самшита сохранил зоркость и силу. Быть может, ему придется очень скоро исполнять миссию Учителя среди заплутавшего и задравшегося человечества*» (Китай 2003, 102). В последнем фрагменте концептуализация Китая выражается не только с помощью мировоззренческой метафоры *Китай - учитель*, но и через олицетворение. Номинация *учитель* по отношению к Китаю и интенция необходимости учиться, извлекать уроки из истории Китая, «прочесть и понять сполна <...> книгу познания Китая» неоднократно возникают на страницах анализируемой книги.

Концептуализация Китая в сопоставлении и в соотношении с европейской культурой «втягивает» ключевой для многих текстов анализируемой книги концепт - *деньги*: «*На фоне замедленных темпов роста США, Японии и Евросоюза Китай воспринимается как большая и надежная гавань для прилива свободных денег*» (Китай 2003, 56). Отсюда следующий предикат в отношении Китая - *обогащающийся*. При этом отметим, что, с одной стороны, обогащение становится одной из целей, которые китайцы ставят перед собой и достигают. *Деньги, капитал* поэтому концептуальны и для создателей текстов, они метафоризируются разнообразно, им придаются черты живого существа: «*Тут явственно чувствуется дыхание громадного капитала, привольно разлегшегося в самых выгодных для бизнеса местах - в устьях замечательных китайских тружениц рек. <...> Капитал тут роскошествует открыто, даже напоказ*» (Китай 2003, 81). Стремление к деньгам, как и к образованию, в китайцах настолько сильно, что описывается через «военную» метафору: «*главный фронт - деньги, учеба*» (Китай 2003, 107). С другой стороны, журналисты указывают, что обогащение, экономический рост - это пока только тенденция, поэтому в равной мере о Китае можно говорить как о стране, преодолевающей бедность: «*Сами китайцы считают, что на их страну нужно смотреть двумя глазами: одним - на небоскребы, другим - на хутун, традиционные жилища простых людей*» (Китай 2003, 147). Отметим еще одну особенность национально ориентированных текстов - необходимое для описания иной культуры присутствие безэквивалентной лексики, пояснение которой в данном случае приводится прямо в тексте.

Любой национально ориентированный текст замечателен тем, что его автор, описывая чужую культуру, начинает в ее зеркале оценивать собственную. Анализируемый сборник богат высказываниями об общности белорусского и китайского мировоззрения, подобных следующему: «*Иван и Ван-близнецы-братья. Тихая, упорная мудрость китайца - сродни мудрости белоруса*» (Китай 2003, 108). Обращает внимание русское имя Иван по отношению к белорусу, а не Янка.

Вместе с тем некоторые журналисты, характеризуя Китай как динамично развивающуюся страну, совершающую рывок, пытаются соотнести Беларусь с Китаем и приходят к выводу, что белорусы *«тоскливо смотрят вслед - могли идти вровень, но по собственному недомыслию упустили свой шанс и застряли на мели...»* (Китай 2003, 45). Кроме того, Беларусь по отношению к Китаю осмысливается как провинция по отношению к центру мира: *«Весь огромный 12-миллионный город <...> словно живое, дышащее, двигающееся существо, сопел, лязгал, вздыхал... Мой коллега восхищенно проронил: "Чувствую себя как дядька в Вильно. Все бурлит и вертится. Какое оживление! Какая динамика! А у нас..." И тут же осёкся: всякое сравнение, увы, некорректно»* (Китай 2003, 81).

В основе следующего предиката лежат самые поверхностные знания, стереотипные представления о китайской культуре - **совершенно иная, чужая, непонятная**, которые находят отражение в языковой метафоре - *«здесь все по-китайски - то есть не так, как у нас»* (Китай 2003, 150). В наиболее явном виде удивление, владеющее, по-видимому, каждым из пишущих о Китае белорусских журналистов, выражено в статье Л. Кусливой: *«Это непостижимая страна: неожиданные стрессы уготованы живущим в тебе стереотипам на каждом шагу. Еда, культура, образ мыслей, реакция в различных ситуациях - здесь все иное. Здесь многое с первого взгляда кажется если не алогичным, то уж по крайней мере непривычным»* (Китай 2003, 152).

Книга И. Плескачевской отмечена несколько иной интенцией, которую можно сформулировать как попытку объяснить удивительное читателю, приблизить его к иной культурной традиции, выявить универсальное, общечеловеческое, облеченное, однако, в иные, китайские, формы. Для полноты характеристики авторской интенции отметим искреннюю увлеченность журналистки Китаем и китайской культурой. Во вступлении она пишет: «Я написала книгу в стремлении рассказать о том, что за удивительная страна-Китай, в которой так причудливо переплетаются традиции и современность, очевидное и невероятное. Я не претендую на научную глубину, эти страницы - мое видение окружающего, мой Китай, который я познаю и который люблю» (Плескачевская 2002, 6). Такое очень личное отношение к стране («мой Китай»), в которой журналистка живет несколько лет, конечно, находит отражение в ее концептуализации. Образ авторского «я» проявляется в том, как осмысливается оппозиция *мы - они*. Раскрытие каждой из фасет, совокупность которых, по замыслу автора, должна составить целостное представление о Китае, начинается с утверждения некой общечеловеческой истины. Так, например, описание главного праздника - Нового года - начинается с такого утверждения: *«Если внимательно присмотреться, то заметно, как много у нас с китайцами общего: неделя праздника означает неделю непрерывного радостного застолья»* (Плескачевская 2002, 14). Затем начинается поиск различий, что зачастую выражается противопоставлением *у нас - у них*: *«Интересное дело - у нас праздник чаще всего связан с застольем и выпивкой, а у китайцев - с возможностью устроить грандиозный шум, с фейерверками и петардами»* (Плескачевская 2003, 17). И далее автор переходит к описанию традиций, представляет праздник как последовательность фреймов (приготовление праздничной еды, порядок посещения гостей, особенности новогодних подарков и т. д.), указывает связанные с представлениями о празднике табу (запрет на употребление неприличных слов, а также «неблагоприятных» слов смерть, болезнь, бедность и т. д.). Такой способ разворачивания микротемы, предлагающий читателю воспринимать знания от общего к культурно специфичному, практикуется в книге И. Плескачевской достаточно часто, даже в тех случаях, когда описывается явление, характерное исключительно для китайской культуры, например, фэншуй: *«Многое роднит нас с китайцами, и в немалой степени - любовь к своему дому и стремление к счастливой семей-*

ной жизни. Зачастую на этом сходство и заканчивается, потому что китайцы этого не только хотят, но и знают, как добиться. Имя этого знания - фэншуй, то ли наука, то ли искусство поселать в своем доме удачу и равновесие» (Плескачевская 2002, 32). В том случае, если различия в концептуализации очень значительны и некий китайский обычай оказывается невозможно соотносить с европейским, автор применяет своеобразную игровую стратегию, создает образ «непонятливых» европейцев, как при описании традиции бинтования ног у женщин, чтобы придать им форму лотоса: «С нашей европейской точки зрения бинтованные ноги больше похожи на копытца, чем на "золотые лотосы", но, возможно, у нас просто туго с воображением» (Плескачевская 2002, 62). Первенство китайцев в многочисленных изобретениях позволяет автору концептуализировать европейцев как безнадежно отставших от китайцев, например, в случае изобретения воздушного змея: «Так что, как водится, мы снова немного отстали - в этот раз на 2000 лет» (Плескачевская 2002, 53).

Работа И. Плескачевской выгодно отличается от сборника «Китай глазами белорусских журналистов» тем, что, создавая представление о китайской культуре, предлагая толкование культурно специфичного понятия, автор прибегает к буквальному переводу соответствующих единиц китайского языка, отмечает некоторые случаи синонимии. Это позволяет нарушить асимметрию языка описания и культурного кода, характерную для национально ориентированного текста, на что обращали внимание С.М. Прохорова и Е.Г. Воронцова, представить фрагмент китайской языковой картины мира. Таких примеров немного, однако они есть. Прежде всего это касается частоты в русских текстах о Китае толкования названия страны: «Весь мир и вся история вращаются вокруг него - по крайней мере так вам скажет любой местный житель. Века и войны не изменили самого главного, что думает о себе Китай: это обширная Поднебесная, государство ровно в центре мира, ведь именно так переводится его название - Чжунго, Срединное царство» (Плескачевская 2002, 7). Обращает на себя внимание выбор автором именно этой номинации для концептуализации Китая, в то время как в заголовок вынесено буквальное толкование другого поэтического названия Китая «Тянь ся» («Поднебесная империя») (Ивановский 1898, XVI, 172). В некоторых случаях использование безэквивалентной лексики и ее толкование бывает особенно важно, например, при описании социальной структуры традиционного Китая высокий статус чиновника поясняется следующим образом: «На китайскую систему управления по-прежнему сильнейшее влияние оказывали идеи Конфуция - власть и высокий статус должны принадлежать не богатым и знатым, а культурной и интеллектуальной элите. Слово "шэньши" означало и 'чиновник', и 'интеллигент'» (Плескачевская 2002, 9). Китайская языковая картина мира приоткрывается также в попытках реконструкции культурных концептов. Так, высокие культурные коннотации языкового знака дракон подтверждаются тем, что они связаны с таким речевым актом, как комплимент: «Мы говорим, что человек летает, как птица, а китайцы скажут - как дракон» (Плескачевская 2002, 59). Обратим внимание также на описание традиционной китайской женской прически: «Волосы с помощью шпилек и заколок укладывались в сложную волнистую прическу, которую ценители уподобляли благородным цветам или - высший комплимент - "дракону, резвящемуся в облаках"» (Плескачевская 2002, 63).

Для профилирования образа Китая И. Плескачевской были отобраны реалии, отражающие самые разнообразные стороны жизни и вместе с тем типичные для текстов о Китае - празднование Нового года, особенности китайской кухни, архитектуры, медицины, боевые искусства, китайский традиционный костюм, фэншуй и т. д. С другой стороны, отведено место и современным проблемам, также раскрывающим китайскую систему ценностей.

И здесь автором формулируется и предлагается читателю целый набор предикатов по отношению к китайцам: исключительное трудолюбие, искренний патриотизм, признание главной ценностью ребенка («маленького императора») и многое др.

Отметим, что набор предикатов, да и в целом поиск составляющих образа Китая для представления белорусскому читателю в проанализированном материале, несмотря на разнообразие авторских стилей, находится в общей традиции. Это позволяет утверждать, что национально ориентированный текст, в частности о Китае, становится одним из направлений современной белорусской журналистики.

В основном этот материал характеризует, как и всякий подобный текст, безэквивалентная лексика. Это утверждение относится как к бытовой сфере (хутун), так и к ментальной (Чжун-го, шэньши). Обе они равно важны в анализе национально ориентированного текста, так как в культуре нет ничего исключительно материального или идеального, «нет ни "чисто духовных", ни "чисто материальных" рядов» (Степанов 1997, 38).

Профиль концепта *Китай*, по результатам анализа русскоязычных текстов белорусских журналистов, определяется основными предикатами *иной, непонятный, динамичный, обогащающийся, находящийся в центре мира и определяющий его развитие*, а также основными концептуальными метафорами *Китай - локомотив мира, Китай - учитель, Китай - всемирный балансир*.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронцова Е.Г. Русскоязычный текст-персоналия: На материале текстов, посвященных Франциску Скорине: Дис.... канд. филол. наук. Мн., 2003.
 Ивановский А.О. Китай // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. 1898. Т. 16. С. 172-221.
 Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996.
 Китай глазами белорусских журналистов: Сб. Мн., 2003.
 Плескачевская И. Поднебесная страна: Очерки о современном и традиционном Китае. Мн., 2002.
 Прохорова С.М. Национально-культурный компонент в тексте и в языке: «белорусский текст» в русской культуре // Прохорова СМ. Еще раз о языковой непрерывности. Мн., 1999. С. 130-156.
 Степанов Ю.С. Константы // Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Поступила в редакцию 10.01.07.

Вэй Вэй - аспирантка кафедры прикладной лингвистики. Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор СМ. Прохорова.